

Вышел в свет новый перевод «Божественной комедии» Данте

Коммерсантъ-daily, -1997, -16 июля, -с.10

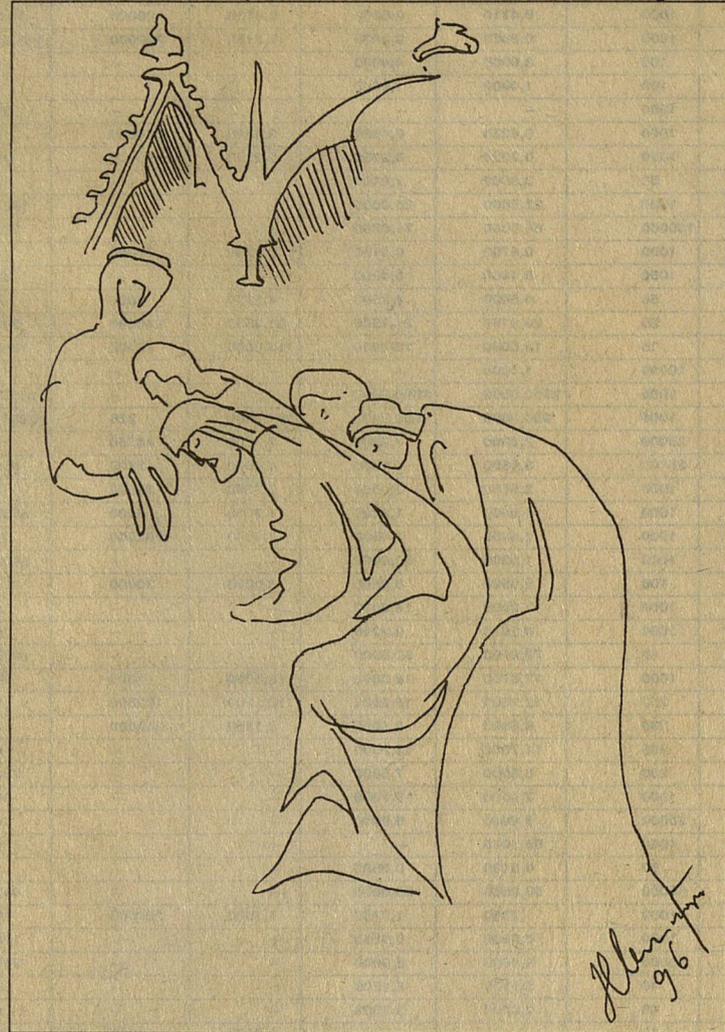
Академизм нынче не в моде. Интеллектуальность текста или живописного образа кажутся едва ли не дурным вкусом. Но вот является человек, который без всяких интеллигентских сетований выкладывает на стол новый перевод «Божественной комедии» Данте. Это не загробная тень хрестоматийного Михаила Лозинского. Это — московский художник и скульптор Владимир Лемпорт, «соавтор Данте», как он то ли в шутку, то ли всерьез отрекомендовался.

Не много ли для одного? Как ни странно, нет. Старая истина — талантливый человек талантлив во многом. Особенно, если это матерый эпикуреец, вероятно, из последних. В свои 75 Владимир Лемпорт мог бы со знанием дела сыграть и Бахуса, и Нептуна (за плечами годы моржевания). На вопрос, сколько времени ушло на перевод «Божественной комедии», он ответил: меньше года.

Лемпорт считает, что классик перевода Лозинский оказал великому флорентийцу отчасти медвежью услугу: затемнил оригинал лирическим шаманством и игрой аллегорий. У Данте все ясно и предельно конкретно, утверждает Лемпорт, до того переводивший улично-философские шансоны Брасанса, духовного наследника Вийона.

В самом деле, кто из нас, осилив круги «Ада», не начал смертельно скучать в «Чистилище» и засыпать в «Раю». Вдохновенное завершение вузовского преподавателя в том, что Данте в свое время считался чуть ли не авангардистом и реформатором языка (утвердил-таки в поэзии разговорный итальянский вместо державной латыни), как-то не вязалось с тяготиной бесконечных терцин.

Лемпорт решил сорвать с Данте покров ложной классич-

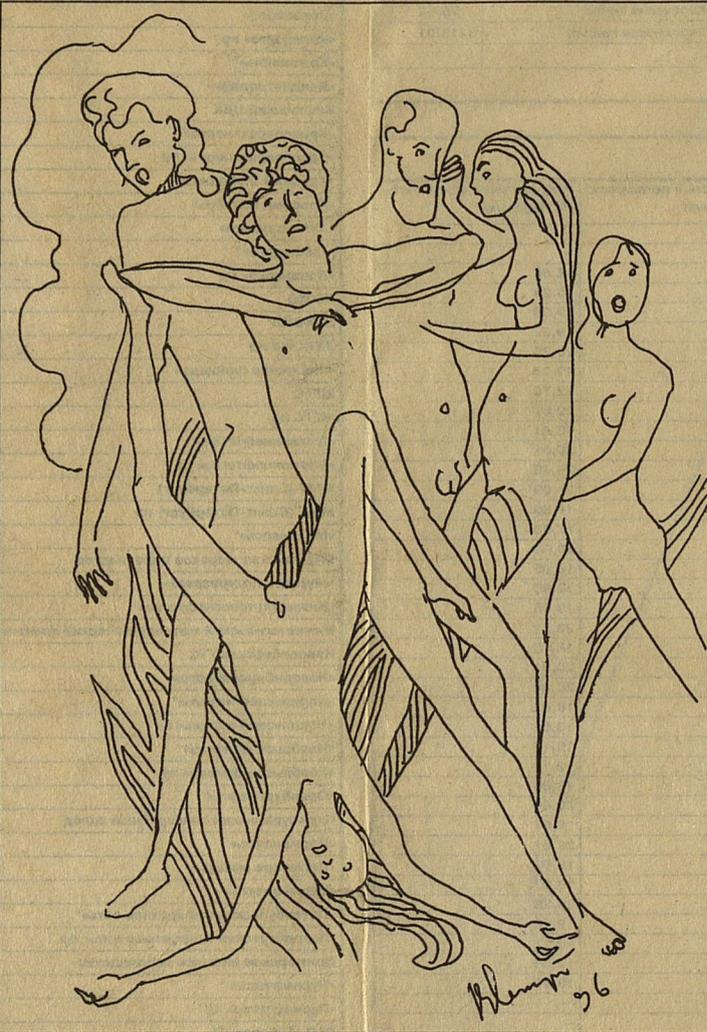
Автор нового перевода «Божественной комедии» Владимир Лемпорт считает, что Лозинский оказал Данте медвежью услугу

ности и передать, с одной стороны, дух живого дантового стиха, а с другой, сыграть в игру «всякое настоящее современно». Но начал он, как и положено старателю от поэзии, с выверки подлинников. Перевод «Комедии» (сам Данте называл ее «священной», — название «божественная» закрепилось позже и случайно) производился с итало-французских откомментированных изданий.

По словам Лемпорта, сразу же стали явными многие не-

точности перевода Лозинского. «Что такое „Меж войлоком и войлоком державный“?» — задается вопросом Лемпорт и отвечает: «Фельтро, если быть точным, фетр, а не войлок. Если я ношу фетровую шляпу, то едва ли меня устраивает войлочная, разве что в бане. Кроме того, Фельтро — город, а также порода собаки, левретка».

Кроме того, «зловещие слова над воротами ада у переводчика Лозинского получились в

каком-то лирическом темпе: „Я увожу к потерянным селеньям...“, тогда как в подлиннике: „Это мною заведен город страданий“. Похоже? Нет. Данте был великим поэтом, но также большим хитрецом».

Но по поводу еще одной вольности Лозинского у Лемпорта приговор другого рода: «Перевод Лозинского был сделан в 1939 году. В то самое время, когда наша страна превратилась в город Дит. Миллионы мучеников, без ви-

подвиг, а на случайную оплошность и чрезвычайное простодушие».

Вряд ли Лозинский не ведал, что творил. Искушения выразить современность не смог преодолеть и сам Лемпорт. Так, в двадцать первой песне «Ада» Лемпорт своей волей оставляет от клички начальствующего беса только последние два слога — Коба, а позже двух братьев-душегубцев недвусмысленно (и родственно по звучанию) нарекает Мавроди. Не академично, на грани литературного хулиганства, но — действительно.

Ведь Данте, изгнанник, приговоренный к смерти в родной Флоренции, отыгрался на своих политических противниках сполна, не жалея желчи. И не был он увенчан лавровым венком, как у Доре, или облагорожен бородой, как у Боккаччо. Данте не был святым и с иронией относился к обещаниям своего покровителя, хозяина Равенны, после кончины обрести покой в отстроенном в его честь мавзолее. Его любовь к Беатриче (с которой он, кстати, ни разу не обмолвился и словом) малопонятна без религиозного подтекста. Как ни странно, смерть Беатриче сделала ее образ более реальным. Лемпорт, снабдивший свой перевод мастерской графикой, кажется, выразил это с безупречной точностью: «Я помню Беатриче, лик ее,/ Какое счастье, что явилась в образе своем,/ А не звездой, как Павел или Петр».

Владимир Лемпорт сделал, если так можно выразиться, чувственный перевод. Приведенные отрывки оригинала в русской транскрипции заставляют испытать пьянящей итальянской речи.

МИХАИЛ УМНОВ

Данте. «Божественная комедия». Перевод с итальянского и рисунки Владимира Лемпорта. — Москва, 1997. 500 экз.